

на заданные темы в установленные сроки в соответствии с чётко сформулированными требованиями (Китай);

– имитационные упражнения и ролевые игры (Древняя Греция, Рим);

– публичные речи, участие в диспутах (Эллада, Рим).

5. Практически все выделенные приёмы и методы контроля сохранились в современной педагогике. Они могут служить основанием для разработки тех или иных вариантов тестовых заданий (в зависимости от конкретных целей и задач педагогического контроля знаний).

И.Ю. Черкасова (Сочи)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В КРЕПОСТЯХ ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ (1837–1854 гг.)

Тема повседневности человека в экстремальных психологических условиях – военно-историческая антропология – получила значительное распространение в течение последних 10 лет. Внимание исследователей привлекли частности и повседневная жизнь человека на войне. Этому явлению в крепостях Черноморской береговой линии (1837–1854 гг.) и посвящена наша статья. Объект исследования – одна из крепостей Черноморской береговой линии, а главный источник – «Инструкция воинскому начальнику форта Александрия», составленная основателем форта генералом Симборским.

Итак, командование фортом осуществлял его командир, воинский чин которого в разное время был от лейтенанта до подполковника включительно.

В форте Александрия, позднее переименованном в Навагинский, существовал следующий распорядок. Утром и вечером гарнизон форта собирался на плацу для переклички и расчета, причем эта процедура происходила для пехоты по фронтам, ими занимаемым, а для артиллеристов – по орудиям. Ввиду того что фронты были неодинаковы по протяженности и значимости, например, атак с моря практически ждать не приходилось, то гарнизон по установленному генералом Симборским правилу делили следующим образом:

1/5 часть сразу же направляли в резерв укрепления, а 25 чел. – на охрану блокгауза; оставшихся делили на 7 частей, по 2 части направляли на три длинных фронта, а 1 – на морской фронт. Например, если гарнизон насчитывал 350 пехотинцев, для резерва сразу же выделялось 70 чел., для блокгауза – 25, на каждый из трех длинных фронтов – по 72, а на морской – 39, что составит на 4 фронта 255 чел., всего 350 [1].

Крепостной резерв всегда находился посередине укрепления на тот случай, если обстоятельства потребуют усилить оборону какого-либо из фронтов. Гарнизон размещался по всем оборонительным линиям только тогда, если укрепление атаковалось одновременно со всех четырех сторон. В противном случае части, назначенные для обороны крепостных брустверов и не атакуемые противником, присоединялись к резервам и ждали своего часа. Охрана блокгауза ночью и во время нападения неизменно составляла 25 чел., днем численность охраны могла уменьшаться до 10 солдат под командованием одного унтер-офицера.

Главное вооружение форта составляла артиллерия, она располагалась следующим образом: на бастионном фронте, направленном к горам, имелись: в 1-м бастионе единорог, батарейная пушка и легкая пушка, во 2-м бастионе 2 единорога; константиновский фронт был оснащен легкой пушкой и единорогом; морской фронт прикрывался тур-бастионом при 2 единорогах; на сочинском фронте размещался один бастион, на вооружении которого состояли батарейная пушка и единорог [2].

Помимо этого два единорога состояли в резерве для подкрепления фронта, атакуемого противником.

Во время атаки пехота располагалась вдоль всего фронта, солдаты выстраивались в две шеренги около орудий. Делалось это для того, чтобы передний стрелок, произведя выстрел с банкета, отходил назад для заряжения ружья и уступал место второму стрелку. Этим достигалась скорострельность и сокращались потери.

В случае обстрелов неприятеля с дальнего расстояния, а также с закрытых мест (оврагов, ям) артиллеристы открывали огонь гранатами и соответственно пехоту на фронтах практически не использовали. Во время штурмов форта значительными силами горцев к участию в отражении привлекалась вся артиллерия, имеющая направление на участок атаки,

причем стрельба велась преимущественно по толпе противника, начиная с расстояния 250 сажень дальней картечью, а потом при приближении противника ближней – картечью и из ружей.

Один только раз горцам удалось перейти крепостной ров и подняться на бруствер, но скоординированными действиями гарнизона горцы были встречены штыками и отброшены.

Значительное внимание уделялось созданию ночных секретов, которые должны были заблаговременно поднять тревогу в крепости во время ночного нападения. Чтобы уберечь людей от ненастья, а также от случаев, когда солдаты секрета не успевали отойти в лагерь, из-за близости противника в секретах стали использовать специально обученных собак.

К внешней защите форта относился ров, однако его не заполняли водой, боясь разрушения крепостного бруствера при подъеме уровня воды в реке Соча-Пста. Сообщение с крепостью производилось через мост, который вечером разбирался и уносился вовнутрь. Ворота крепости запирались на ключ, который в течение ночи находился у начальника форта. Открывать ворота и собирать ночью мост категорически запрещалось. Мост монтировался только утром. При появлении неприятеля мост разбирался, а ворота запирались [3].

Боевое охранение крепости находилось на всех угловых позициях фронтов, а также на специально сооруженной вышке у дома воинского начальника. Охранение было предназначено для заблаговременного обнаружения опасности.

Таким образом, в плане обороны форт Александрия представлял для горцев серьезный узел сопротивления, крепость вполне могла не только противостоять объединенным силам горцев, но и выдержать продолжительную осаду европейского войска.

В оперативном отношении командир форта Александрия подчинялся непосредственно командующему 1-го отделения Черноморской береговой линии, только с ним он мог решать вопросы о дополнительном обеспечении форта людьми и продовольствием и др.

Командир форта был обязан следить за тем, чтобы личный состав совершенствовал военное мастерство. Для этого отводились определенные дни и часы. Во время тренировок военнослужащие, руководствуясь пехотным уставом, выполняли

упражнения с оружием, включая тренировочную прицельную стрельбу.

Повышенное внимание в крепости уделялось артиллерии и всему, что к ней относилось. Это и не мудрено, так как в форте находилось значительное количество гранат, ядер, а также пороха, в случае детонации арсенала форт практически был бы стерт с лица земли. Для уменьшения концентрации взрывчатых веществ порох хранился не в одном, а в нескольких пороховых погребах. Артиллерийское имущество, а именно: заряды, патроны, порох, всячески оберегали от огня и сырости. Для борьбы с сыростью в хорошую погоду открывали двери и окна погребов, чтобы сухой воздух мог свободно проникать внутрь. Во время такой просушки особенно осторожно обращались с огнем.

Пороховые погреба и арсеналы охранялись часовыми, которым запрещалось подходить к пороховым погребам, а тем более входить в них без соответствующего приказа командира форта, данного ефрейтору через дежурного по укреплению офицера [4].

Манипуляции с приготовлением или переделкой боевых зарядов производились вне крепости. Для этого специально выставлялось наружное прикрытие и разбивалась лабораторная палатка.

На каждое орудие в крепости постоянно имелось по два комплекта зарядов. Часть из них помещалась в зарядных ящиках и передках, находящихся при орудиях, а остальные лежали на стеллажах в пороховых погребках. Там же находились порох в бочонках, боевые патроны, палительные свечи, скорострельные и запасные гранатные трубки.

Убранство в пороховых погребках исключало возможность проникновения огня. Под бочонками с порохом, на стеллажах, под снарядами и на полу в погребках в два ряда лежали циновки, сверх того был предусмотрен войлок. Снаряженные гранаты, брандскугли, светлые ядра, картечь в жестянках лежали в особых ящиках и были проложены паклей. Во время опасности и тренировок артиллеристы выносили ящики крайне осторожно, чтобы ударом одного снаряда о другой не произвести искры и взрыва.

Другое артиллерийское и стрелковое имущество, а именно: фитили, армяки, армяжные мешки, стеклядь, пули, кремни, паклю, шпигли, густую смолу хранили либо в погребках, либо в

хорошо устроенном сарае или цейхгаузе. Притом армяк и армяжные мешки хранились в закупоренных сухих бочонках с целью защиты от моли и проветривались в ясную погоду.

Ядра, подверженные ржавчине, выжигали в кострах, после чего варили в масле и складывали в пирамиды около погребов.

За все артиллерийское имущество нес ответственность артиллерийский офицер, обязанный наблюдать за сохранностью и пригодностью боеприпасов, особенно снаряженных гранат. Заметив малейшую в них неисправность (например, обсохшие трубки, повредившие ее пластырь и стапин), он обязан был немедленно переделывать гранаты в лабораторной палатке [5].

Правильность зарядов проверялась пушечным пропуском их сквозь медный цилиндр, а в единорогах – сквозь проемы.

При входе в погреба офицеры поверх обуви обязательно надевали войлочные или суконные валенки, а нижние чины разувались и подвергались осмотру на предмет наличия у них курительных трубок, огнив или других вещей, могущих произвести взрыв.

Обучение орудийной прислуги происходило ежедневно, офицер с соблюдением всех правил безопасности обучал прицельной стрельбе, обращению с орудием, учил развивать глазомер.

Число прислуги при каждом орудии составляло по нормативам пять и более человек, но не всегда этот норматив соблюдался, особенно в период эпидемий [6].

Артиллерийский офицер помимо всего прочего должен был знать расстояние до всех пунктов вне укрепления на один пушечный выстрел, с которых неприятель мог предпринять наступательные действия. Знание их позволяло офицеру немедленно придать орудиям должное возвышение для производства цельной или рикошетной стрельбы, а также для действия дальней и ближней картечью.

Не менее важной для обороны укрепления, окруженного оврагами и холмами, была искусная навесная стрельба из мортир и единорогов.

Известно, что полный заряд, употребляемый в единороге под гранату, бросал снаряд на расстояние в 500 сажень и более, при этом граната, падая, не оставалась на месте, а продолжала рикошетировать и улетала дальше. Это действие

гранаты не могло заменить навесную стрельбу, главное условие которой заключается в том, чтобы граната, упав в закрытое место, осталась в нем и разрывом своим причинила вред находящемуся там неприятелю.

Для достижения этого артиллеристы уменьшали количество пороха в заряде под гранату и давали единорогу самое большое возвышение. Опыты, проводимые в Александрии, показали, что из $1/2$ - пудового единорога заряды в 90 золотников, а из $1/4$ - пудового в 70 золотников бросали гранату навесно на 500 сажень и последняя разрывалась, не производя рикошета [7].

Все эти моменты артиллерийский офицер обязан был учитывать и при изготовлении зарядов, предназначенных для конкретного пункта бомбардировки. Уменьшенные заряды имели пришитые ярлыки с надписью веса пороха и расстояния, на которое заряд бросает гранату.

Уменьшенные заряды посылались в камору орудия отдельно от обычных зарядов особенным пробойником или щеткой банника, с осторожностью, чтобы по незначительности своей они не могли повернуться и остановиться, не дойдя до дна каморы.

При появлении горцев в поле из батарейных орудий стреляли гранатами и ядрами не далее как на расстояние 500 сажень, картечью – 250; из легких – гранатами и ядрами не далее 450, картечью – 200 сажень [8].

Из орудий стрелять по одному человеку запрещалось, так как шанс попасть был минимальным. Кроме того, артиллеристам надлежало помнить, что верное прицеливание и благоразумное расходование зарядов – неременная обязанность артиллериста.

Всякое упущение со стороны артиллерийских офицеров, заведующих артиллерией и парком, в сохранении от порчи орудий с их лафетами и ящиками, зарядами, припасами, материалами и пр. строго наказывалось.

Хождение через бруствер в крепости строго запрещалось, потому что от ходьбы прокладывались дорожки, которыми могли воспользоваться горцы при штурме, т.е. терялась обороноспособность всей крепости.

За состоянием фортификационных сооружений крепости наблюдала рабочая команда численностью от 20 до 30 чел. под руководством офицера. Эта команда была обязана еже-

дневно обходить укрепление и осматривать его на предмет обнаружения трещин, промоин и других деформаций укрепления, особенно после ливневых дождей. В распоряжение рабочей команды был выделен практически весь инвентарь лопат, кирок и топоров, принадлежащих гарнизону [9].

В казарменных строениях строго воспрещалось делать какие-либо перестройки и прорубать стены, не испросив предварительного разрешения командования Черноморской береговой линии.

Офицерский флигель, лазаретный дом и солдатская казарма в укреплении были построены на каменном фундаменте, выложенном на глине. Ввиду этого ни рабочая команда, ни крепостное командование не должны были забывать, что во время проливных дождей фундамент мог повредиться, если будет стоять вода. Для этого требовалось наблюдать, чтобы земля около стен была несколько возвышена и имела скат наружу для стока воды.

В крепости практически всегда был образцовый порядок, за счет этого гарнизон крепости и мог выжить. Поэтому вопросам чистоты и порядка всегда уделялось особенно пристальное внимание.

Для наблюдения за порядком и чистотой в крепости назначалась особая команда численностью до 20 чел. под управлением одного офицера [10]. Офицер следил за исправным очищением отхожих мест, все нечистоты из которых в ящиках ежедневно по утрам сбрасывались в море.

Эта же команда еженедельно очищала от сажи печные трубы, а на случай пожара имела достаточное количество воды в обрезках, а также содержала в исправности багры, лестницы, топоры и вообще пожарный инструмент. Несколько ответственных людей из этой команды составляли особое отделение, называемое трубным, которое следило за состоянием чердаков каждого жилого строения, за отсутствием в трубах щелей или других повреждений и докладывало об этом командиру форта.

Чины этой команды наблюдали также за тем, чтобы вблизи пороховых погребов и других хранилищ боеприпасов военнослужащие не ходили с огнем, не раскладывали его под котлами, а также стремились по возможности дальше убрать при строительстве от этих мест кухни, кузницы и т.д. За это же были ответственны и часовые по крепости, находящиеся на

вышке, крепостном валу и внутри укрепления. Разжигать костер внутри укрепления было нежелательно, это предусматривалось делать на берегу моря или реки, вдали от стогов сена, хранить которое в крепости запрещалось.

Вне зданий курить трубки, носить огонь без фонаря, головни и зажженные лучины строжайше воспрещалось. Еще большая осторожность должна была соблюдаться на чердаках строений.

На крепостном валу было запрещено делать постройки, насыпи и рыть ямы, так как этим могли воспользоваться при атаке горцы. Рельеф местности по возможности выравнивала рабочая команда, уничтожая все, что могло быть использовано для горцев как защита. Помимо этого дно рва устилалось досками с вбитыми гвоздями и нередко были случаи, когда благодаря этому удавалось поймать горцев. Так, в мае 1851 г. убых Татлыстан Чирик, укравший в форте у купца ружье, бросился бежать через ров в лес, но наскочил на гвозди, поранился, был задержан и посажен под арест [11].

Командир форта заботился и о том, чтобы поблизости укрепления нигде не было стоячей воды, которая, загнивая во время жары, порождала самые опасные инфекционные болезни.

Укрепление имело и свое кладбище. Погребение тел умерших осуществлялось на специально отведенном месте на расстоянии не ближе 250 сажень от укрепления. Хоронить необходимо было исключительно в грунте глинистом или черноземе, а не в песчаном, вырывая могилы не менее одной сажени глубиной. За соблюдением этого офицеру по полицейской части предписано было вести строгий надзор [12].

В повседневный пищевой рацион личного состава гарнизона в обязательном порядке входили щи из капусты, свеклы или зеленой крапивы, заправленные черемшой или чесноком. Один раз в неделю готовился мясной борщ, приправленный перцем. Два раз в неделю каждому солдату выдавали по 200 г. сала. В постные дни из рациона исключались масло, мясо и добавлялись лук, каша. По праздникам личный состав по желанию получал некоторое количество водки, настоянной на перце [13].

Питьевой водой гарнизон обеспечивался за счет вырытых еще при генерале Симборском колодцев. Колодцы по вечерам закрывались крышками и запирались на замок, чтобы непри-

ятель не мог в ночное время отравить в них воду. Помимо этого колодцы периодически очищали от накапливаемого ила, как правило, два раза в год.

В гарнизоне действовали и другие правила. Так, часовых к пороховым погребам, хлебным сараям и другим складам большей или меньшей важности предусматривалось назначать из людей благонадежных, притом порох охраняли артиллеристы.

Без разрешения командующего Черноморской береговой линии или командира 2-го отделения командир форта не имел права ни под каким предлогом оставлять укрепление [14].

Действовали правила и о больных. Если их число в гарнизоне доходило до 40 чел., то часть их с первым отходящим судном отправляли в госпиталь для лечения.

Все казенные и другие бумаги, проходящие по штабу укрепления, надлежало отсылать с военными судами, приходящими на рейд. Разрешалось вступать в сношение с купцами, прибывающими сюда из российских портов, однако строжайше запрещалось вести дела с иностранцами, приходящими из-за границы и не имеющими письменного вида на карантинное и таможенное очищение.

Вся информация о планах горцев против форта, а также против других крепостей Черноморской береговой линии должна была незамедлительно доноситься непосредственному командованию [15].

Для предохранения от инфекционных болезней надлежало иметь осторожность при взаимоотношениях с горцами и племенами, у них обитающими. С горцами предписывалось быть осмотрительными и на причины, по которым они будут искать сближения с гарнизоном, не слишком полагаться.

В случае же убеждения в искреннем желании горцев войти с гарнизоном в сношение начальник форта обязан был всячески уверить их в благом намерении правительства. Из числа благонадежных горцев требовалось найти людей, полностью преданных России, и об оказанных ими услугах гарнизону доводить до сведения высшего начальника для щедрого поощрения. Поощрением, как правило, были серебряные рубли, хотя известны случаи награждения горцев золотыми медалями «За храбрость» и даже офицерскими воинскими чинами.

Несколько слов следует сказать и о досуге гарнизона. Свободное от службы время можно было посвятить чтению, так как в форте имелась библиотека, располагающая значительным по тем временам фондом – к 1 января 1854 г. в нем насчитывалось 392 единицы хранения [16].

Что же читали в форте Навагинском? Достаточно серьезно были представлены журналы, а именно: Военный журнал (подшивка с 1828 по 1850 гг.), Военно-энциклопедический лексикон (с 1837 по 1848 гг.), Артиллерийский журнал (1839–1852 гг.), Инженерные записки (1826–1852 гг.). Из другой военной литературы библиотека имела воинские уставы. Неплохо была представлена художественная литература, в частности, сочинениями А.С. Пушкина и др. Имелись исторические работы, например, 12-томная «История государства Российского» Н.М. Карамзина, «История Русской церкви», «Отечественные записки» с 44-го по 74-й тома. Разумеется, присутствовала в библиотеке и разнообразная религиозная литература [17].

Помимо чтения для нижних чинов в форте устраивались спортивные соревнования по борьбе, прыжкам, игре в мяч и т.д. Особо поощрялось музыкальное творчество – игра на балалайке, скрипке и других музыкальных инструментах.

В хорошую погоду устраивались соревнования по плаванию на азовских баркасах и мн. др. [18].

Первые два года в форте (как и во всех фортах Черноморской береговой линии) полностью отсутствовали женщины, это обстоятельство отрицательно сказывалось на солдатских массах, и в 1840 г. генерал Раевский распорядился селить в крепостях солдаток, которые бы занимались сельским хозяйством или хозработами на обслуживании гарнизона.

Таким образом, спортивные соревнования, самодеятельность, а также наличие женщин скрашивали суровую армейскую жизнь не только солдат, но и офицеров русской армии.

Примечания

1. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
2. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 81.
3. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 69.
4. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.
5. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
6. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 74.
7. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.

8. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 75.
9. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.
10. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 77.
11. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.
12. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
13. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. Л. 41.
14. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 79.
15. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 80.
16. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
17. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1748. Л. 27–34.
18. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 13. 42.

В.Г. Иванцов (Сочи)

СОЧИНСКИЙ СОБОР МИХАИЛА АРХАНГЕЛА: ИСТОРИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА (1874–1890 ГГ.)¹

Многотрудная Кавказская война, завершившаяся в мае 1864 г., повлекла за собой освоение Российским государством, обезлюдившего Северо-Западного побережья Кавказа. Одной из страниц этой истории явилось сооружение церквей на Черноморском побережье.

Согласно документам канцелярии начальника Черноморского округа, строительство церкви в Даховском посаде (Сочи) – первого собора в округе – связывается с указанием великого князя, наместника Кавказа Михаила Николаевича [1], посетившего округ в мае 1871 г. Днями позже начальник округа генерал Д.В. Пиленко [2] отдал распоряжение архитектору Вергилису об осмотре развалин круглого здания, служившего военной церковью в бывшем Навагинском укреплении еще до Крымской войны 1853–1856 гг. и составлении проекта и сметы на возобновление церкви. Замысел состоял в возведении на месте разрушенного строения нового скромного храма, способного удовлетворить нужды малочисленного населения Даховского посада, насчитывавшего около 300 жите-

---

¹ Статья основана на документах и материалах Центрального государственного архива республики Абхазия (фонд 1. фонд Сухумской епархии). Автор работал в этом архиве в июле 1992 г. В начавшейся затем грузино-абхазской войне архив сгорел.